

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ОТДЕЛ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Культурные права в прецедентной
практике Европейского Суда по правам
человека*

COUNCIL OF EUROPE

CONSEIL DE L'EUROPE

Издатели или организации, желающие выполнить перевод и/или воспроизвести полностью или частично настоящий отчет в форме печатной публикации или путем размещения в сети Интернет, должны обратиться по адресу: publishing@echr.coe.int для получения наших подробных условий использования материалов.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, январь 2011 года
[Совет Европы / Европейский Суд по правам человека]

Настоящий отчет подготовлен Отделом исследований Европейского Суда по правам человека и не имеет обязательной силы для Суда. Отчет был опубликован в 2011 году и доступен для скачивания по адресу: www.echr.coe.int (Case-law – Case-Law Analysis – Research reports).

Настоящий перевод публикуется по согласованию с Советом Европы и Европейским Судом по правам человека; исключительная ответственность за перевод лежит на Российском ежегоднике Европейской конвенции по правам человека.

АННОТАЦИЯ

В настоящем Отчете представлена подборка прецедентной практики Суда в контексте культурных прав. Хотя ни Конвенция, ни Суд не выделяют непосредственно «*право на культуру*» или право принимать участие в культурной жизни, в отличие от других международных договоров, прецедентная практика Суда содержит интересные примеры того, как некоторые права, подпадающие под понятие «*культурные права*» в широком смысле, можно защитить на основании ключевых гражданских прав, таких как право на уважение частной и семейной жизни (статья 8 Конвенции), право на свободу выражения мнения (статья 10) и право на образование (статья 2 Протокола № 1).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
I. Право на художественное выражение	5
II. Доступ к культуре	7
III. Право на культурную самобытность	8
IV. Языковые права	12
V. Право на образование	16
VI. Право на защиту культурного и природного наследия	18
VII. Право на поиск исторической правды	20
VIII. Право на академическую свободу	21
ПРИЛОЖЕНИЕ: Список постановлений и решений	23

ВВЕДЕНИЕ

1. Настоящий Отчет отражает подход Европейского Суда по правам человека (далее – Суд) в означенных областях, связанных с вопросом культурных прав. В ходе выборки во внимание принималась наиболее поздняя прецедентная практика в данной области. Хотя Европейская конвенция не защищает непосредственно культурные права как таковые (в отличие от других международных договоров, касающихся прав человека, таких как Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах), Суд посредством динамичного толкования различных статей Конвенции постепенно признал наличие материальных прав, которые можно подвести под понятие «культурные права» в широком смысле. К положениям, к которым наиболее часто обращаются по поводу культурных прав, относятся статья 8 (право на уважение частной и семейной жизни), статья 9 (свобода мысли, совести и религии) и статья 10 (свобода выражения мнения) Конвенции, а также статья 2 Протокола № 1 (право на образование). Еще одним фактором, объясняющим возрастающую важность культурных прав, в прецедентной практике Суда является количество дел, инициированных лицами или организациями, принадлежащими к национальным меньшинствам, включая культурные, языковые или этнические меньшинства. Это особенно верно в отношении права на поддержание самобытности меньшинства и приведение частной и семейной жизни в соответствие с традициями и культурой этого меньшинства. Хотя Суд не всегда выносит решения в защиту культурных прав и культурных меньшинств, ключевые принципы, установленные им в своей прецедентной практике, обеспечивают основу для будущих судебных разбирательств и развития.

2. Приведенные далее выводы описывают различные сферы прецедентной практики Суда, касающиеся культурных прав и затрагивающие такие вопросы, как художественное выражение, доступ к культуре, культурная самобытность, языковые права, образование, культурное и природное наследие, историческая правда и академическая свобода. Данные вопросы взаимосвязаны, и порой их трудно отделить друг от друга, особенно это касается прав, вытекающих из свободы выражения мнения. Поскольку данный Отчет не ставит себе целью носить исчерпывающий характер, он охватывает наиболее значимую и позднюю прецедентную практику в освещаемых областях. Необходимо также упомянуть наш Отчет «Аспекты межкультурного диалога в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека» 2007 года (вклад Суда в подготовку *Белой книги по межкультурному диалогу*)¹, а также наш более поздний Отчет о прецедентной практике Суда в отношении свободы религии, подготовленный в январе 2011 года для Парламентской ассамблеи Совета Европы².

¹ Материалы доступны на сайте Совета Европы:

www.coe.int/t/dg4/intercultural/Publication_WhitePaper_ID_en.asp.

² Текст на французском языке доступен на сайте Европейского Суда по правам человека: [www.echr.coe.int/Case-law – Case-Law Analysis – Research reports](http://www.echr.coe.int/Case-law-Cases-Law-Analysis-Research-reports).

I. Право на художественное выражение

3. Суд подчеркнул важность художественного выражения в контексте права на свободу выражения мнения (статья 10 Конвенции). В целом он применил высокий уровень защиты в отношении художественных произведений, таких как романы, стихотворения, картины и т.д. С одной стороны, художественные произведения предоставляют возможность участия в процессе обмена культурной, политической и социальной информацией и идеями любого характера, что является неотъемлемой частью демократического общества. С другой стороны, оценивая природу некоторых форм самовыражения, содержащихся в художественных произведениях, которые могли бы оправдать вмешательство Государства, Суд принимает во внимание ограниченное воздействие спорной формы художественного выражения (особенно литературы или поэзии по сравнению с кинематографом), которая, как правило, воспринимается относительно ограниченной аудиторией, нежели, например, средства массовой информации.

4. В деле *Мюллер и другие против Швейцарии (Müller and Others v. Switzerland)* (24 мая 1988 года, Серия А № 133) Суд уже указывал на то, что статья 10 Конвенции предусматривает свободу художественного выражения, в частности в рамках свободы получать и распространять идеи, добавив, что это предоставляет возможность принять участие в обмене культурной, политической и социальной информацией и идеями (пункт 27), и пришел к выводу, что это накладывает на Государство определенное обязательство не посягать на свободу выражения мнения деятелей искусства (пункт 33). Однако, принимая во внимание, что картины, ставшие предметом обсуждения, в грубой форме изображали сексуальные отношения, а также то, что они были представлены на выставке с неограниченным доступом публики, Суд пришел к выводу, что обвинительный приговор заявителя не являлся нарушением статьи 10. Подобным образом в деле *Институт Отто Премингера против Австрии (Otto-Preminger-Institut v. Austria)* (20 сентября 1994 года, Серия А № 295-А) Суд постановил, что действия по запрету и изъятию фильма, содержащего провокационное изображение Бога, Девы Марии и Иисуса Христа, результатом чего стала невозможность запланированного проката в кинотеатрах, были оправданны в целях обеспечения права граждан на защиту от оскорбления их религиозных чувств³. Суд принял позицию австрийских судов, которые не сочли, что достоинства фильма как произведения искусства или как вклада в общественную дискуссию перевешивают те его черты, из-за которых он в значительной степени является оскорбительным для широкой общественности.

5. В области литературного творчества Суд применил статью 10 Конвенции к поэзии в деле *Караташ против Турции [БП] (Karataş v. Turkey [GC])* (№ 23168/94, ЕСПЧ, 1999-IV): «Рассмотренная работа содержала стихотворения, которые вследствие частого употребления воодушевляющих выражений и метафор призывали к самопожертвованию во имя «Курдистана», и включала в себя несколько особенно агрессивных отрывков, направленных против турецких властей. В буквальном смысле данные стихотворения можно толковать как подстрекательство читателей к ненависти, мятежу и применению насилия. Тем не

³ См. также дело *И.А. против Турции (İ.A. v. Turkey)* (№ 42571/98, ЕСПЧ 2005-VIII), в котором Суд пришел к выводу, что обвинение управляющего директора издательства, опубликовавшего роман, было направлено на обеспечение защиты от оскорбительного нападения на объекты, считающиеся священными для мусульман.

менее при определении того, были ли эти действия совершены на самом деле, необходимо учитывать, что средством, использованным заявителем, была поэзия – форма художественного выражения, обращенная к небольшому числу читателей» (пункт 49). Более того, в контексте статьи 10 Конвенции Суд добавил: «Лица, создающие, исполняющие, распространяющие или представляющие для обозрения произведения искусства, способствуют обмену идеями и мнениями, что является неотъемлемой частью демократического общества. Таким образом, обязанность Государства – не посягать незаконно на свободу выражения их мнения» (там же). В заключение Суд указал следующее: «Что касается стиля стихотворений по настоящему делу, в отношении которого Суд не выражал своего одобрения, необходимо помнить, что статья 10 защищает не только сущность выраженных идей и информации, но также и форму, в которой они подаются» (там же).

6. Дело *Алинак против Турции (Alinak v. Turkey)* (№ 40287/98, 29 марта 2005 года) касалось романа о пытках крестьян, основанного на реальных событиях. Суд отметил следующее: *«...книга содержит отрывки, в которых изложены вымышленные графические детали жестокого обращения и зверств, направленных против крестьян, которые, без сомнения, формируют в сознании читателя стойкую враждебность в отношении несправедливости, от которой в повествовании страдали крестьяне. В буквальном смысле некоторые отрывки можно понимать как побуждение читателя к ненависти, мятежу и применению насилия. Тем не менее при определении того, были ли эти побуждающие действия совершены на самом деле, необходимо помнить, что средством, использованным заявителем, был роман – форма художественного выражения, обращенная к относительно небольшому числу лиц, по сравнению, например, со средствами массовой информации» (пункт 41). Суд отметил, что «эта спорная книга [представляла собой] роман, который относится к художественной литературе, хотя и якобы основан на реальных событиях». Далее Суд указал на следующее: «...даже несмотря на то, что дух некоторых отрывков книги крайне враждебен, Суд считает, что их художественная природа и ограниченное воздействие скорее сужают их характер до выражения глубокого горя перед лицом трагических событий, нежели призывают к насилию» (пункт 45).*

7. В своем постановлении от 25 января 2007 года по делу *Ассоциация художников против Австрии (Vereinigung Bildender Künstler)* (№ 68354/01, 25 января 2007 года), касающемуся судебного запрета на демонстрацию на выставке картины, которая считалась неприличной (картина, написанная специально для этой выставки австрийским художником Отто Мюлем, представляющая собой коллаж с участием разных известных личностей, таких как Мать Тереза и бывший глава Австрийской партии свободы (АПС) Йорг Хайдер, в сексуальных позах), Суд основывал свои выводы на тех же принципах, которыми руководствуется в своей прецедентной практике в отношении художественных произведений, отметив, что *«художники и лица, способствующие продвижению их работ, разумеется, не имеют иммунитета к возможным ограничениям, определенным в пункте 2 статьи 10» (пункт 26). Однако в пункте 33 указанного постановления дана следующая оценка: «Суд считает, что подобное изображение приравнивается к карикатуре на представленных лиц с использованием элементов сатиры. Суд отмечает, что сатира является формой художественного выражения и общественного комментария и, с присущими ей свойствами преувеличения и искажения реальности, естественным образом*

стремится провоцировать и агитировать. Соответственно, любое вмешательство в право художника на такое выражение необходимо изучить с особым вниманием».

8. В постановлении Большой Палаты по делу *Линдон, Очаковский-Лоуренс и Жули против Франции (Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France [GC])* (№ 21279/02 и 36448/02, ЕСПЧ 2007-IV) Суду пришлось проверить, являлось ли признание автора и издателя романа (представляющего реальных лиц и события) виновным в клевете в адрес партии крайне правого крыла и ее президента (г-на Ле Пена) нарушением статьи 10 Конвенции. Опираясь на свою прецедентную практику в отношении художественных произведений (пункт 47), Суд указал, что *«романисты, как и прочие творцы, и лица, способствующие продвижению их работ, разумеется, не имеют иммунитета к возможным ограничениям, определенным в пункте 2 статьи 10. Любой человек, реализующий свободу выражения своего мнения, принимает на себя, в соответствии с условиями, установленными в указанном пункте, обязательства и ответственность»* (пункт 51). Таким образом, приговор за клевету в данном деле не мог быть подвергнут сомнению с точки зрения статьи 10 Конвенции ввиду злобного содержания оскорбительных отрывков и того, что партия намеренно именовалась *«Национальный фронт»* и было указано имя ее председателя. Суд посчитал, что французские суды провели разумную оценку фактов, придя к заключению, что сравнение того или иного лица с *«главарем банды убийц»*, утверждение, что убийство, пусть даже совершенное вымышленным персонажем, было *«поддержано»* им, и описание его как *«вампира, наживающегося [нажившегося] на страданиях своего электората, а иногда и на его крови, переступает [переступили] границы дозволенного в таких вопросах»*. Хотя не существует принципиальной необходимости делать различие между утверждениями о факте и оценочными суждениями, когда речь идет об отрывках из романа, Суд отметил, что тем не менее такое различие очень уместно, если, как в настоящем деле, спорное произведение не является полностью вымышленным, а указывает на реальные лица или факты (пункт 55).

II. Доступ к культуре

9. В своем недавнем постановлении по делу *Акдаш против Турции (Akdaş v. Turkey)* (№ 41056/04, 16 февраля 2010 года) Суд развил свою прецедентную практику в отношении сопоставления свободы художественного выражения и защиты морали. Дело касалось обязанности издателя выплатить крупный штраф за публикацию на турецком языке эротического романа Гийома Аполлинера (написанного в 1907 году) и изъятия всех выпущенных копий данной книги. Суд посчитал, что позиция Государств по отношению к требованиям морали *«часто требует [от них] принимать во внимание существование, в пределах отдельного государства, различных культурных, религиозных, гражданских или философских сообществ»*. Суд закрепил концепцию *«Европейского литературного наследия»* и установил в связи с этим различные критерии, такие как международная репутация автора, дата первой публикации, большое число стран и языков, на которых имела место публикация; публикация в печатной форме или путем размещения в сети Интернет; публикация в авторитетном сборнике в родной стране автора (например, «Плеяда» во Франции). Интересным с точки зрения права на доступ к культуре является вывод Суда о том, что определенному языковому обществу, в данном случае турецкому, не следовало

препятствовать иметь доступ к произведению, которое составляет часть такого наследия (пункт 30).

10. Суд также имел возможность принять решение относительно права мигрантов поддерживать культурные связи со страной своего происхождения. В деле *Куршид Мустафа и Таржибачи против Швеции* (*Khurshid Mustafa and Tarzibachi v. Sweden*) (№ 23883/06, 16 декабря 2008 года), которое касалось выселения жильцов в связи с их отказом убрать спутниковую тарелку, позволявшую им смотреть телевизионные передачи на арабском языке и фарси, транслируемые из страны их происхождения (Ирак), Суд развил свою прецедентную практику в отношении свободы на получение информации согласно статье 10 Конвенции. Суд подчеркнул важность этой свободы для семьи иммигрантов с тремя детьми, которые вправе поддерживать связь с культурой и языком страны своего происхождения. Суд также указал, что свобода получения информации не ограничивается только сообщениями об общественно значимых событиях, но и распространяется на формы культурного самовыражения в целом, а также на развлекательные программы (пункт 44).

11. Недавно (в сентябре 2010 года) Суд коммуницировал жалобу против Литвы, подняв новый вопрос, к которому до этого не обращался в своей прецедентной практике: доступ в Интернет для заключенных (*Янковскис против Литвы* (*Jankovskis v. Lithuania*), № 21575/08). Заявитель запрашивал в Министерстве образования Литвы сведения о возможности поступления в университет. Впоследствии он был уведомлен, что вся соответствующая информация размещена на интернет-сайте. Тогда заявитель обратился к тюремным властям с просьбой предоставить ему доступ в Интернет, но тюремные власти сообщили заявителю, что действующие правила не предусматривают доступ в Интернет для заключенных. Суду необходимо будет изучить, является ли отказ в доступе в Интернет вмешательством в право заявителя на получение и распространение информации и идей в значении статьи 10 Конвенции. В любом случае любое ограничение, оказывающее влияние на гражданские права заключенных, должно иметь возможность быть оспоренным в судебном порядке в соответствии со статьей 6 Конвенции с учетом характера ограничений и их возможных последствий (см. *Энеа против Италии* [БП] (*Enea v. Italy* [GC]), № 74912/01, пункт 106, 17 сентября 2009 года). Это применимо к отказам в предоставлении временного освобождения осужденному заключенному, желающему пройти обучение для получения квалификации, необходимой для работы бухгалтером (см. *Болуа против Люксембурга* (*Boulois v. Luxembourg*), № 37575/04, пункт 64, 14 декабря 2010 года, дело передано в Большую Палату).

III. Право на культурную самобытность

12. В деле *Чепмен против Соединенного Королевства* [БП] (*Charman v. the United Kingdom* [GC]) (№ 27238/95, ЕСПЧ 2001-I) Суду пришлось изучить вопрос образа жизни цыганских семей и специфические трудности парковки их фургонов. В своем постановлении Большая Палата признала, что статья 8 Конвенции, гарантирующая право на уважение частной и семейной жизни и жилища, защищает право на поддержание культурной самобытности и ведение частной и семейной жизни согласно существующим традициям. Суд заявил (пункт 73):

Суд считает, что использование заявителем повозки является неотъемлемой частью ее этнической самобытности как цыганки, отражающей долгую традицию ведения кочевого образа жизни, присущего данному меньшинству. Это применимо, даже несмотря на то, что под влиянием прогресса и разнообразия политик либо по собственному выбору многие цыгане больше не ведут кочевой образ жизни и все чаще оседают на длительные сроки на одном месте для облегчения, например, получения образования их детьми. Таким образом, меры, воздействующие на размещение заявителем своей повозки, оказывают влияние, выходящее за пределы права на уважение ее жилища. Они также отражаются на ее возможности поддерживать собственную культурную самобытность как цыганки и вести свою частную и семейную жизнь в соответствии с этой традицией.

13. Суд отметил, что *«можно говорить о формирующемся международном согласии между государствами – участниками Совета Европы относительно признания особых потребностей меньшинств и обязательств по защите их безопасности, самобытности и образа жизни... не только для целей охраны интересов меньшинств как таковых, но и для сохранения культурного разнообразия, представляющего ценность для всего сообщества»* (пункт 93). Суд признал, что статья 8 Конвенции подразумевает позитивные обязательства для Государства по обеспечению образа жизни цыган, в частности, рассматривая их потребности и необычный образ жизни как в рамках соответствующего законодательного поля, так и при вынесении решений по отдельным делам. По мнению Суда (пункт 96), *«хотя факт принадлежности к меньшинству с традиционным укладом жизни, который отличается от большинства, не предоставляет иммунитет от общего законодательства, направленного на охрану достоинства общества в целом, такого как окружающая среда, он может иметь влияние на способ применения этого законодательства»*.

14. Суд применял данные принципы в деле, касающемся последствий цыганских браков для целей назначения пенсии в связи с потерей кормильца (*Муньос Диас против Испании (Muñoz Díaz v. Spain)*, № 49151/07, 8 декабря 2009 года). Суд установил, что отказ члену цыганской общины в выплате пенсии в связи с потерей кормильца после смерти мужа, в браке с которым она состояла в соответствии со специфическими обычаями их сообщества на протяжении 19 лет, являлся нарушением статьи 14 Конвенции (запрещение дискриминации) во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 (защита собственности). Суд принял во внимание тот факт, что заявитель принадлежала к сообществу, в котором законность брака, по его же обычаям и традициям, никогда не оспаривается и не считается правительством противоречащей общественному порядку. В связи с этим Суд указал: *«Суд принимает точку зрения, что игнорирование силы коллективных верований сообщества с четким культурным определением не допускается»* (пункт 59). Вопрос о четкой культурной самобытности цыган в Испании, кажется, является важным фактором: *«По мнению Суда, необходимо подчеркнуть важность верований, которые присущи заявителю в связи с принадлежностью к цыганскому сообществу – сообществу, имеющему собственные ценности, которые прочно установлены и имеют глубокие корни в испанском обществе»* (пункт 56).

15. Помимо права на поддержание самобытности культурного или этнического меньшинства и ведения образа жизни в соответствии с данной самобытностью или традицией, с позитивными обязательствами, которые она возлагает на Государство, статья 8 Конвенции также может применяться к праву на свободный выбор человеком культурной или этнической самобытности и уважение к данному выбору, если такое

право имеет объективные основания. Например, в деле *Чиуботару против Молдовы* (*Ciubotaru v. Moldova*) (№ 27138/04, 27 апреля 2010 года) Суд изучил отказ властей Молдовы в регистрации этнической принадлежности («цыганской»), указанной заявителем при рассмотрении его прошения о замене советского удостоверения личности на молдавское, на основании того, что его родители не были записаны как «этнические цыгане» в своих свидетельствах о рождении и о браке. Суд посчитал, что «этническая принадлежность лица составляет существенный аспект его или ее частной жизни» согласно статье 8 Конвенции, и заключил, что законодательство Молдовы и существующая практика создают непреодолимые барьеры для лиц, желающих зарегистрировать свою этническую принадлежность, которая отличается от сведений, зафиксированных в отношении его или ее родителей советскими властями. Хотя Суд согласился, что власти могли отказать в прошении об официальной регистрации принадлежности к отдельной этнической группе, если бы такое прошение опиралось исключительно на субъективные и необоснованные причины, правовая практика Молдовы лишила заявителя возможности предоставить какое бы то ни было объективное доказательство в поддержку своего прошения, такое как достоверные связи с цыганской этнической группой (язык, имя, участие и прочее) (пункт 58). Некоторые из этих объективных причин, которые могут характеризовать этническую группу или этническую самобытность, включают общий язык, религиозные убеждения или культурные и традиционные корни и историю (см. концепцию этнической принадлежности в постановлении Большой Палаты по делу *Сейди́ч и Финчи против Боснии и Герцоговины* (*Sejdić and Finci v. Bosnia and Herzegovina* [GC]) (№ 27996/06 и 34836/06, пункт 43, 22 декабря 2009 года)).

16. Суд также был привлечен к разбирательствам по делам, касающимся права на религиозную самобытность. Например, в недавнем деле *Синан Ишик против Турции* (*Sinan Işık v. Turkey*) (№ 21924/05, 2 февраля 2010 года) заявитель жаловался на отказ в своем прошении заменить в удостоверении личности название религии «Ислам» на свою религию «Алеви». Суд выявил нарушение статьи 9 Конвенции (свобода религии), но не в отношении отказа в указании религии «Алеви» в удостоверении личности заявителя, а в самом факте того, что его удостоверение личности содержало указание на его религиозную принадлежность, несмотря на то, было оно обязательным или факультативным, обязывающим человека раскрывать против своей воли информацию, касающуюся аспекта его или ее религиозных убеждений либо других личных взглядов. Не признавая права на указание религии «Алеви» в удостоверении личности, Суд указал, что приемлемой формой исправления выявленного нарушения может быть удаление поля «вероисповедание» из удостоверения личности (пункт 60).

17. Свобода мысли, совести и религии, гарантированная статьей 9 Конвенции, действительно является важным правом меньшинств для поддержания и сохранения самобытности, поскольку оно защищает исповедование убеждений или религии как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в процессе богослужения, обучения, отправления религиозных и культовых обрядов. Групповое богослужение, возможно, является наиболее очевидной формой коллективного вероисповедания. Доступ к местам богослужения и ограничения, устанавливаемые в отношении возможности последователей религии принимать участие в службах или культовых обрядах, вызовут вопросы соблюдения статьи 9 Конвенции (см. *Кипр против Турции* [БП] (*Cyprus v. Turkey* [GC]), № 25781/94,

пункты 241–247, ЕСПЧ 2001-IV: ограничение свободы перемещения киприотов греческого происхождения, проживающих на севере Кипра). Отказ предоставить доступ религиозной общине к мясу животных, заколотых в соответствии с религиозными предписаниями, может подразумевать вмешательство в право человека проявлять свои религиозные убеждения посредством культовых обрядов в значении статьи 9 Конвенции (*Ча'ар Шалом Ве Цедек против Франции* [БП] (*Cha'are Shalom Ve Tsedek v. France* [GC]), № 27417/95, ЕСПЧ 2000-VII: ритуальное закалывание животных для предоставления иудеям мяса, полученного в соответствии с религиозными предписаниями). Ношение религиозных символов также защищено правом на проявление религиозных убеждений, хотя Суд часто признавал, что вмешательство Государства в форме запретов и ограничений может быть оправданно в целях защиты принципов секуляризма и равноправия полов (см. запрет на ношение мусульманского хиджаба в университетах и школах в деле *Лейла Шахин против Турции* ([БП] (*Leyla Şahin v. Turkey* [GC]), № 44774/98, пункт 116, ЕСПЧ 2005-XI) и деле *Догру против Франции* ((*Dogru v. France*), № 27058/05, пункт 72, 4 декабря 2008 года), где Судом не было выявлено нарушение статьи 9; см. противоположное решение по делу *Ахмет Арслан и другие против Турции* ((*Ahmet Arslan and Others v. Turkey*), № 41135/98, 23 февраля 2010 года): Суд посчитал, что уголовное обвинение членов какой бы то ни было религиозной группы за ношение тюрбана, черной туники и палочки в общественных местах за пределами мечети является нарушением статьи 9).

18. Свобода объединений, гарантированная статьей 11 Конвенции, защищает право лиц, принадлежащих к меньшинствам, создавать объединения для распространения своей культуры и сознания данного меньшинства. В деле *Сидиропоулос и другие против Греции* (*Sidiropoulos and Others v. Greece*) (10 июля 1998 года, Отчеты о постановлениях и решениях 1998-IV) Суд рассматривал объем защиты, применимой к объединениям, целью которых является распространение культуры меньшинств. Заявители указывали свое этническое происхождение как «македонское» и настаивали на присутствии у них «македонского национального сознания». Они решили создать некоммерческую организацию под названием «Дом македонской цивилизации». Национальные суды отказали в регистрации данной организации. Суд установил нарушение статьи 11 Конвенции. Суд отметил, что целями объединения были исключительно сохранение и развитие традиций и народной культуры региона Флорина. Подобные цели были признаны Судом совершенно прозрачными и законными: «Жители какого бы то ни было региона в любой стране имеют право создавать объединения для распространения информации об особенностях данного региона как по историческим, так и по экономическим мотивам» (пункт 44). Суд посчитал, что, даже предполагая, что основатели какого-либо объединения, подобного тому, которое рассматривается в настоящем деле, утверждают сознание соответствующего меньшинства, «Протокол заседания конференции в Копенгагене по Человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Раздел IV)» от 29 июня 1990 года и «Парижская хартия для новой Европы» от 21 ноября 1990 года, подписанные Грецией, позволяют ему формировать объединения для защиты своего культурного и духовного наследия (пункт 44)⁴. В деле *Гожелик и*

⁴ См. также дело *Туркики Энози Ксантис и другие против Греции* (*Tourkiki Enosi Xanthis and Others v. Greece*) (№ 26698/05, пункт 51, 27 марта 2008 года), в котором Суд указал, что, даже предполагая, что истинной целью вступления заявителя в объединение было распространение культуры какого-либо из меньшинств Греции

другие против Польши ([БП] (*Gorzelik and Others v. Poland* [GC]) № 44158/98, пункт 92, 17 февраля 2004 года) Суд подчеркнул важность свободы объединений для лиц, принадлежащих к национальным и этническим меньшинствам:

92. Наряду с тем, как в контексте статьи 11 Суд часто обращался к важной роли, которую играют политические партии в установлении плюрализма и демократии, объединения, созданные для других целей, в том числе те, которые защищают культурное и духовное наследие, преследуют различные социально-экономические цели, призывают к или обучают религии, стремятся к этнической самобытности или отстаивают сознание меньшинства, также являются значимыми для надлежащего функционирования демократии. Ведь плюрализм также основывается на подлинном признании и уважении разнообразия и динамики культурных традиций, этнической и культурной самобытности, религиозных убеждений, художественных, литературных и социально-экономических идей и концепций. Гармоничное взаимодействие отдельных лиц и групп с разнообразным происхождением является существенным для установления социальных связей. И нет ничего необычного в том, что при здоровом функционировании гражданского общества участие граждан в демократическом процессе в значительной степени достигается посредством принадлежности к объединениям, в рамках которых они могут установить связи между собой и совместно преследовать общие цели.

Развивая данные принципы, Суд указал, что право человека выразить взгляды посредством свободы объединений и понятие личной автономии лежат в основе всеобщего права выражения, в рамках правового поля, своих убеждений относительно собственной этнической самобытности (см. *Туркики Энози Ксантис и другие против Греции* (*Tourkiki Enosi Xanthis and Others v. Greece*), № 26698/05, пункт 56, 27 марта 2008 года).

19. И наконец, свобода собраний, закрепленная в статье 11 Конвенции, также защищает право людей, принадлежащих к меньшинствам, на проведение мирных собраний, например, в память об отдельных исторических событиях, которым они придают особое значение (см. *Станков и Объединенная Македонская Организация «Илинден» против Болгарии* (*Stankov and the United Macedonian Organisation Ilinden v. Bulgaria*), № 29221/95 и 29225/95, ЕСПЧ 2001-Х).

IV. Языковые права

20. По данным Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, право каждого человека участвовать в культурной жизни, закрепленное в пункте 1 (а) статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, включает право человека изъясняться на языке по своему выбору⁵. Это может быть особенно важным для лиц, принадлежащих к меньшинствам, имеющим право сохранять, распространять и развивать собственную культуру, в том числе свой язык.

21. Суд также рассматривал языковые права, в особенности права лиц, принадлежащих к языковым меньшинствам, и иностранных граждан, на основании

(мусульманского меньшинства Фракии), это не могло представлять угрозу для территориальной целостности страны и общественного порядка. Суд добавил, что существование меньшинств и различных культур в какой-либо стране является историческим фактом, к которому демократическое общество должно относиться терпеливо и даже защищать и поддерживать его согласно принципам международного права (пункт 51).

⁵ Замечание общего порядка № 21, ноябрь 2009 года.

различных прав, гарантированных Конвенцией. Например, правописание имен и фамилий согласно правилам языков меньшинств подпадает под действие статьи 8, гарантирующей право на уважение частной и семейной жизни. Тем не менее у Суда был достаточно ограничительный подход в данной области, обеспечивающий государствам-участникам широкую свободу усмотрения ввиду наличия множества факторов исторического, лингвистического, религиозного и культурного характера в каждой стране и отсутствия в Европе «общего знаменателя» (см. *Ментцен против Латвии* (реш.) (*Mentzen v. Latvia* (dec.)), № 71074/01, ЕСПЧ 2004-ХІІ; *Булгаков против Украины* (*Bulgakov v. Ukraine*), № 59894/00, пункты 43, 44, 11 сентября 2007 года; *Байлак-Ферре и Суарез против Франции* (реш.) (*Baylac-Ferrer and Suarez v. France* (dec.)), № 27977/04, 25 сентября 2008 года). Следует отметить, что лингвистическая свобода как таковая не входит в перечень прав и свобод, регулируемых Конвенцией, и что, за исключением особых прав, изложенных в пункте 2 статьи 5 (право быть незамедлительно уведомленным на понятном языке о причинах его или ее ареста) и пунктах 3 (а) и (е) статьи 6 (право быть незамедлительно уведомленным на понятном языке о характере и основании предъявленного ему или ей обвинения и право пользоваться помощью переводчика, если он или она не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке), Конвенция *сама по себе* не гарантирует права пользоваться тем или иным языком в ходе общения с государственными властями или права получать информацию на языке по своему выбору. Государства-участники в принципе вправе устанавливать и регулировать использование своего официального языка или языков, на которых составляются удостоверения личности граждан и другие официальные документы, в целях языковой целостности. Однако в деле *Гюзель Эрдагöz против Турции* (*Güzel Erdagöz v. Turkey*) (№ 37483/02, 21 октября 2008 года) Суд установил нарушение статьи 8 Конвенции на основании того, что турецкие суды отказали заявителю в просьбе о приведении написания ее имени в соответствие с курдским произношением (она требовала написания своего имени как «Гёзель», а не «Гюзель»), отметив широкое многообразие лингвистических источников турецких имен. Однако нарушение главным образом было основано на факте того, что турецкое законодательство не содержало четкого определения объема и порядка использования властями своих полномочий в процессе возложения ограничений на правописание имен и их исправление. В противоположность этому в своем более позднем постановлении по делу *Кемаль Ташкин и другие против Турции* (*Kemal Taşkın and Others v. Turkey*) (№ 30206/04 и другие, 2 февраля 2010 года) Суд не установил нарушения статьи 8 Конвенции, поскольку отказ заявителям в изменении правописания турецких имен на курдские был основан на том факте, что избранные ими имена содержали буквы, которых не существует в официальном турецком алфавите.

22. Статья 8 Конвенции также может применяться к праву заключенных на свободу переписки на родном языке. В деле *Мехмет Нури Озен и другие против Турции* (*Mehmet Nuri Özen and Others v. Turkey*) (№ 15672/08 и другие, 11 января 2011 года) Суд недавно установил нарушение статьи 8 по причине отсутствия законного основания для отказа в отправке писем заключенных, написанных на курдском языке. Данным постановлением Суд дополнил свою предыдущую и достаточно ограничительную прецедентную практику по этому вопросу. Например, в деле *Зенгер против Германии* ((реш.) (*Senger v. Germany* (dec.)) № 32524/05, 03 февраля 2009

года) Суд пришел к выводу, что решение властей прекратить отправку писем заключенных на русском языке представляло собой вмешательство, необходимое для предотвращения беспорядков и преступлений, учитывая тот факт, что и заявитель, и авторы писем имели двойную принадлежность – к немецкой и русской национальности и у них отсутствовали веские причины писать на русском языке (см. в этой же связи дело *Байбашин против Голландии* ((реш.) (*Baybaşın v. the Netherlands* (dec.)), № 13600/02, 6 октября 2005 года), касающееся желаний заключенного использовать курдский язык в письменном и устном общении с близкими родственниками вместо турецкого языка).

23. Языковые права также могут быть защищены на основании права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции. Например, в деле *Улусой и другие против Турции* (*Ulusoy and Others v. Turkey*) (№ 34797/03, 3 мая 2007 года) Суд установил, что запрет постановки пьесы на курдском языке в муниципальных зданиях являлся нарушением свободы выражения мнения.

24. В отношении языковых прав в контексте образования статья 2 Протокола № 1 (право на образование) не устанавливает язык, на котором требуется проводить обучение, с тем чтобы право на образование было соблюдено (дело «*о некоторых аспектах законов об использовании языков в рамках образовательного процесса в Бельгии*» (по существу), 23 июля 1968 года, пункт 3, Серия А № 6). Кроме того, право родителей обеспечивать такое образование, которое соответствует их религиозным и философским убеждениям, что гарантируется вторым предложением статьи 2 Протокола № 1, равным образом не учитывает языковые предпочтения (дело «*о некоторых аспектах законов об использовании языков в рамках образовательного процесса в Бельгии*» (по существу), упомянутое выше, пункт 6). Вследствие этого Суд исключил право выбора языка для получения образования (пункт 11):

11. В настоящем деле Суд отмечает, что статья 14, даже во взаимосвязи со статьей 2 Протокола (Ст.14 + П1-2), не подразумевает гарантирование ребенку или его родителю права на получение знаний на языке по своему выбору. Объект этих двух статей (Ст.14 + П1-2) при их толковании во взаимосвязи более ограничен: он призван обеспечить, что право на образование будет защищено каждым из государств-участников для любого лица в пределах его юрисдикции без дискриминации на основании, к примеру, языка. Это естественное и обычное значение статьи 14 в ее взаимосвязи со статьей 2 (Ст.14 + П1-2). Кроме того, толкование этих двух положений как гарантирующих каждому человеку в пределах юрисдикции государства право на получение образования на языке по своему выбору приведет к абсурдным результатам, поскольку каждый человек сможет требовать использования при обучении любого языка на любой из территорий государств-участников.

25. Однако позднее Суд установил нарушение статьи 2 Протокола № 1 в межгосударственном деле *Кипр против Турции* (*Cyprus v. Turkey*), упомянутом выше, в отношении киприотов греческого происхождения, проживающих на севере Кипра, в связи с отсутствием у них доступа к средним школам с преподаванием на греческом языке, учитывая, что начальную школу они закончили на греческом языке (пункты 273–280). В деле *Ирфан Темель и другие против Турции* (*İrfan Temel and Others v. Turkey*) (№ 36458/02, 3 марта 2009 года) Суд установил нарушение статьи 2 Протокола № 1 в связи с отстранением 18 студентов от занятий в университете на два семестра в качестве дисциплинарной меры за просьбу о введении в учебном заведении факультативных занятий по курдскому языку. Суд также рассмотрит

ограничения для школ с преподаванием на молдавском языке, использующих латинский алфавит, в Приднестровье в деле *Катан и другие против Молдовы и России* (*Catan and Others v. Moldova and Russia*) (№ 43770/04 и другие), слушание по которому состоялось 9 июня 2009 года.

26. В Суде также осуществлялась защита языковых прав в политическом или институциональном контексте. Например, в деле *Подколзина против Латвии* (*Podkolzina v. Latvia*) (№ 46726/99, ЕСПЧ 2002-II) Суд рассматривал исключение кандидата – члена русскоговорящего меньшинства из списка в ходе парламентских выборов по причине недостаточного владения официальным языком. Суд установил нарушение статьи 3 Протокола № 1 (право на свободные выборы) на основании несовместимости процедуры исключения заявителя из списка с процессуальными требованиями Конвенции о справедливости и правовой определенности. Однако касательно законного обоснования данной меры Суд отметил, что обязательство в отношении кандидатов в Парламент страны по надлежащему владению официальным языком, закрепленное национальным законодательством, было оправданным законной целью, учитывая степень усмотрения, которой в данной связи пользуются государства. Каждое государство имеет законный интерес в обеспечении надлежащего функционирования своей институциональной системы, а перед Судом не ставится задача сформировать мнение о выборе рабочего языка национального парламента. Выбор был обусловлен историческими и политическими соображениями, уникальными для каждого государства, и, по сути, составлял часть исключительной компетенции государства (пункт 34). Недавно Суд применил свою правовую позицию в отношении использования региональных языков в региональных парламентах. В своем решении по делу *Берк-Леви против Франции* ((реш.) (*Birk-Levy v. France* (dec.)), № 39426/06, 21 сентября 2010 года) относительно отмены *Государственным советом Франции* резолюции, принятой Парламентом Французской Полинезии, согласно которой в Парламенте допускалось использование иных языков, помимо французского (а именно таитянского), Суд постановил:

(...) Несмотря на то что Основной Закон признает язык Таити «*фундаментальным элементом культурной идентичности*», Суд, с учетом принципа уважения национальных особенностей государств в отношении их институциональной системы (*Подколзина против Латвии*, см. выше), считает, что право заявителя использовать язык Таити в Парламенте Французской Полинезии выходит за рамки Конвенции, в частности положений статьи 10. Соответственно, рассмотрение жалобы не входит в поле его юрисдикции *ratione materiae*, и она должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

27. В деле *Демибраш и другие против Турции* ((реш.) (*Demirbaş and Others v. Turkey* (dec.)) (№ 1093/08 и другие, 9 ноября 2010 года) Суд признал неприемлемыми жалобы, поданные членами муниципального совета как частными лицами, на роспуск совета за использование неофициальных языков (среди прочих курдского языка) при осуществлении полномочий. Суд не рассматривал дело по существу, так как посчитал, что жалобы не соответствуют критерию *ratione personae*, поскольку ни местные власти, ни какие-либо государственные органы не имеют права подавать в Суд жалобы через лиц, входящих в их состав или представляющих их⁶.

⁶ Согласно прецедентной практике Суда по статье 34 Конвенции государственные органы власти, региональные или муниципальные образования не обладают *locus standi* для подачи жалоб в Суд. Статья 34 предоставляет данное право отдельным лицам, неправительственным организациям и группам лиц.

28. Недавно Суд коммуницировал властям Турции жалобу, затрагивающую интересный с точки зрения языковых прав кандидатов на парламентских выборах вопрос (*Айдин и другие против Турции (Aydin and Others v. Turkey)*, № 49197/06 и другие, коммуникация от 9 марта 2010 года). Заявителям было предъявлено обвинение за обращение к народу на курдском языке в ходе избирательной кампании. Суд коммуницировал жалобу в связи со статьями 10 (свобода выражения мнения) и 14 (запрещение дискриминации) Конвенции.

V. Право на образование

29. Понятия «образование» и «обучение» были определены Судом в деле *Кемпбелл и Косанс против Соединенного Королевства (Campbell and Cosans v. the United Kingdom)* (25 февраля 1982 года, пункт 33, серия А № 48) следующим образом: «Образование детей включает весь процесс, при котором в любом обществе взрослые стремятся передать свои убеждения, культуру и прочие ценности молодому поколению, тогда как обучение или преподавание относится, в частности, к передаче знаний и интеллектуальному развитию».

30. Общее содержание статьи 2 Протокола № 1 было упомянуто в связи с одним из первых дел, которые предстояло рассмотреть Суду: оно известно под названием Бельгийского лингвистического дела (дело «о некоторых аспектах законов об использовании языков в рамках образовательного процесса в Бельгии» (по существу), ссылка упомянута ранее):

3. (...) Отрицательная формулировка указывает, что подтверждается «подготовительной работой» (в особенности Документы СМ/ВП VI (51) 7, страница 4 и АS/JA (3) 13, страница 4), что государства-участники не признают такого права на образование, которое потребовало бы от них организовать за свой счет или финансировать образование любого особого вида или уровня. Однако из этого не следует, что Государство не несет позитивных обязательств по обеспечению уважения к соответствующему праву, защищенному статьей 2 Протокола (П1-2). Поскольку «право» существует, оно обеспечивается посредством статьи 1 (Ст.1) Конвенции для всех лиц в пределах юрисдикции государства-участника.

(...) Таким образом, не существовало и не существует вопроса об установлении подобной системы каждым из государств, но существует вопрос о предоставлении гарантий лицам, находящимся под юрисдикцией государств-участников, принципиального права использовать средства образования, имеющиеся в наличии на данный момент.

Конвенция не устанавливает каких-либо особых обязательств относительно объема данных средств и порядка их организации и финансирования.

(...) 5. Право на образование, гарантированное первым предложением статьи 2 Протокола (П1-2), по самой своей сути требует государственного регулирования, которое может меняться в зависимости от времени и места, в соответствии с потребностями и ресурсами как общества, так и конкретных лиц. Разумеется, подобное регулирование никогда не должно ни наносить ущерба сути права на образование, ни вступать в конфликт с другими правами, закрепленными в Конвенции.

31. Данный подход получил подтверждение в постановлении по делу *Кьелдсен, Буск, Мадсен и Педерсен против Дании (Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Denmark)* от 7 декабря 1976 года (Серия А № 23), касающемуся уроков сексуального

образования, организованных в датских государственных школах, которые, по утверждению заявителей, являлись оскорбительными для религиозных убеждений некоторых родителей (пункт 53):

В первую очередь из предыдущего параграфа следует, что формирование и планирование учебного расписания в принципе входят в компетенцию государственных участников. Это главным образом включает вопросы целесообразности, которые не разрешаются Судом и регулирование которых на законных основаниях может различаться в зависимости от страны и временного периода. В частности, второе предложение статьи 2 Протокола не препятствует государствам распространять посредством обучения или образования информацию или знания, имеющие прямой или косвенный религиозный или философский характер. Оно даже не разрешает родителям возражать против введения подобных предметов или курсов в школьное расписание, так как в противном случае подвергается риску все централизованное обучение. Действительно, представляется сложным при преподавании множества школьных предметов избежать некоторой философской составляющей или подоплеку в большей или меньшей степени. Это же утверждение справедливо для связей с религией, учитывая существование религий, составляющих очень широкую догматическую и моральную основу, которая может дать или дает ответы на все вопросы философского, космологического или морального характера.

32. Вопрос о том, применима ли статья 2 Протокола № 1 к высшему и университетскому образованию, поднимался в упомянутом деле *Лейла Шахин против Турции (Leyla Şahin v. Turkey)*, в котором Суд пришел к следующему выводу (пункты 136, 137):

136.(...) Хотя первое предложение статьи 2 прежде всего закрепляет доступ к начальному и среднему образованию, не существует непреодолимого разделения между высшим образованием и другими уровнями образования. В ряде недавно утвержденных документов Совет Европы подчеркнул ключевую роль и важность высшего образования в развитии прав человека и основных свобод и укреплении демократии (см. среди прочего Рекомендацию № R (98) 3 и Рекомендацию № 1353 (1998), приведенную в пунктах 68 и 69 выше). Согласно определению, данному в Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (см. пункт 67 выше), высшее образование «является ключевым фактором для расширения и развития знаний» и «представляет собой исключительно ценное культурное и научное достояние как для каждого человека, так и для общества».

137. Следовательно, трудно представить, что на институты высшего образования, существующие в тот или иной период, не распространяется область действия первого предложения статьи 2 Протокола № 1. Хотя данная статья не возлагает на государства-участников обязательства по созданию институтов высшего образования, любое государство, создающее их, обязано обеспечить эффективное право на доступ к таким институтам (...)⁷.

33. Второе предложение статьи 2 Протокола № 1 обязывает государство уважать право родителей обеспечивать такое образование и такое обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям. Суд сталкивался с широким кругом ситуаций, касающихся данного аспекта статьи 2 Протокола № 1. Например, сексуальное образование (упомянутое дело *Кьелдсен, Буск, Мадсен и Педерсен против Дании (Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Denmark)*) или обязательные уроки этики (*Апель-Иррганг против Германии (реш.) (Appel-Irrgang v. Germany (dec.))*, № 45216/07, 6 октября 2009 года), оскорбляющие религиозные

⁷ В связи с этим Суд также определил, что право на доступ к высшему образованию является одним из гражданских прав в значении статьи 6 Конвенции (право на справедливый суд) (*Эмине Арак против Турции (Emine Arac v. Turkey)*, № 9907/02, 23 сентября 2008 года).

чувства некоторых родителей. В других делах поднимался вопрос религиозного обучения, основанного на суннитском толковании ислама, противоречащем религиозным убеждениям родителей, исповедующих веру Алеви (*Хасан и Эйлем Зенгин против Турции* (*Hasan and Eylem Zengin v. Turkey*), № 1448/04, 9 октября 2007 года), или христианского религиозного образования, противоречащего философским убеждениям родителей, не поддерживающих христианство (*Фолгеро и другие против Норвегии* [БП] (*Folgerø and Others v. Norway* [GC]), № 15472/02, ЕСПЧ 2007-III). Во всех этих делах Суд применял следующий подход: государство, выполняя принятые им на себя функции в отношении обучения и образования, должно обеспечить, чтобы информация и знания, включенные в программу, предоставлялись в объективной, критической и плюралистической форме. Если это не выполняется, власти государства обязаны полностью освободить детей от таких уроков в соответствии с религиозными или философскими убеждениями родителей (см. указанное выше дело *Фольгеро* (*Folgerø*), пункт 102). Однако статья 2 Протокола № 1 не обязывает государство проводить уроки этики в случае такого освобождения (см. *Гжелак против Польши* (*Grzelak v. Poland*), № 7710/02, пункт 105, 15 июня 2010 года).

34. Наконец, необходимо подчеркнуть, что второе предложение статьи 2 Протокола № 1 не препятствует государству в установлении требований об обязательном школьном образовании как в государственных школах, так и посредством частного обучения надлежащего уровня (см. дело *Конрад и другие против Германии* ((реш.) (*Konrad and Others v. Germany* (dec.)), № 35504/03, 11 сентября 2006 года), в котором Суд отклонил как явно необоснованную жалобу родителей, желающих обучать своих детей на дому).

VI. Право на защиту культурного и природного наследия

35. Хотя Суд никогда не выделял право на защиту культурного и природного наследия как таковое, он признавал, что защита такого наследия является законной целью, которую может преследовать государство при вмешательстве в индивидуальные права, особенно в отношении права собственности, закрепленного в статье 1 Протокола № 1.

36. Например, в деле *Бейелер против Италии* ([БП] (*Beyeler v. Italy* [GC]), № 33202/96, ЕСПЧ 2000-I) заявитель обжаловал осуществление Министерством культурного наследия Италии своего права на преимущественное приобретение картины Ван Гога, которую он купил у продавца антиквариата в Риме. Хотя Суд установил нарушение права собственности ввиду отсутствия справедливого баланса в способе реализации права преимущественного приобретения (гораздо позже совершения недействительной продажи, создание ситуации неопределенности), Суд посчитал, что контроль государства за рынком произведений искусства является «законной целью» в рамках защиты культурного и художественного наследия страны (пункт 112). Что касается произведений зарубежных авторов, то Суд признал, что в отношении предметов искусства, законно находящихся на территории страны и принадлежащих к культурному наследию всех наций, государство вправе принять меры, направленные на обеспечение широкого доступа общественности к ним наиболее эффективным способом в общих интересах глобальной культуры (пункт

113). Суд сослался на понятия *всемирной культуры* и *культурного наследия наций* и связал их с правом общественности на доступ к культурному наследию (см. выше, Доступ к культуре, II).

37. В деле *Дебелянови против Болгарии (Debelianovi v. Bulgaria)* (№ 61951/00, 29 марта 2007 года) заявители получили судебное распоряжение о возврате дома, принадлежавшего их отцу и превращенного в музей в 1956 году после экспроприации. Спорное здание было признано самым значимым историческим и этнографическим памятником в городе. Национальный Совет ввел мораторий на законы о возвращении собственности, подпадающей под понятие национального памятника культуры. На основании этого моратория суды отклонили обращение заявителей, стремившихся обеспечить эффективное владение данной собственностью. Хотя Суд установил нарушение статьи 1 Протокола № 1 на основании того, что ситуация длилась более 12 лет и заявители не получили никакой компенсации, он посчитал, что целью моратория было обеспечение сохранности защищаемых объектов национального наследия, что являлось законной целью в контексте охраны культурного наследия страны. Суд обратился к Рамочной конвенции Совета Европы о значении культурного наследия для общества.

38. В постановлении Большой Палаты по делу *Козачоглу против Турции (Kozacıoğlu v. Turkey [GC])* (№ 2334/03, 19 февраля 2009 года) Суд посчитал, что неспособность учитывать особые архитектурные или исторические характеристики какого-либо памятника архитектуры при оценке компенсации за его экспроприацию являлось нарушением статьи 1 Протокола № 1, поскольку налагало на заявителя чрезмерное и несоразмерное бремя. Большая Палата воспользовалась возможностью, чтобы подчеркнуть важность защиты культурного наследия, в ходе оценки законной цели вмешательства:

53. Суд также считает, что защита культурного наследия страны является законной целью, способной оправдать экспроприацию государством памятника архитектуры как «культурной собственности». Суд напоминает, что решение о принятии законов об экспроприации собственности, как правило, включает соображения политического, экономического и социального толка. Считая естественным, что свобода усмотрения законодателя при проведении социальной и экономической политики должна оставаться широкой, Суд будет уважать решение законодательного органа, принятое «в интересах общества», кроме случаев, когда такое решение не имеет разумного обоснования (см. упоминаемые выше дело *Джеймс и другие (James and Others)*, пункт 46, и дело *Бейелер (Beyeler)*, пункт 112). Равным образом, *mutatis mutandis*, это верно и для охраны окружающей среды или исторического или культурного наследия страны.

54. В этом отношении Суд указывает, что сохранение культурного наследия и, где это применимо, его рациональное использование имеют целью, помимо поддержания определенного качества жизни, сохранение исторических, культурных корней и традиций искусства того или иного региона и его населения. Как таковые они являются значительной ценностью, защита и распространение которой возложены на органы государственной власти (см., *mutatis mutandis*, упоминаемое выше дело *Бейелер (Beyeler)*, пункт 112; *Общественная организация работников сельского хозяйства фермы Фресной против Франции* ((реш.) (*SCEA Ferme de Fresnoy v. France (dec.)*), № 61093/00, ЕСПЧ 2005-ХІІІ); *Дебелянови против Болгарии (Debelianovi v. Bulgaria)* (№ 61951/00, пункт 54, 29 марта 2007 года); см. также, *mutatis mutandis*, *Хамер против Бельгии (Hamer v. Belgium)* (№ 21861/03, пункт 79, ЕСПЧ 2007-...)). В связи с этим Суд обращается к Конвенции об охране архитектурного наследия Европы, которая предусматривает реальные меры, в особенности в отношении архитектурного наследия (см. пункт 30 выше).

39. Более того, в отношении уровня необходимой компенсации Суд напомнил, что законные цели «*интересов общества*» могут обуславливать возмещение меньшей стоимости экспроприированной собственности, чем ее действительная рыночная стоимость. Суд пришел к выводу, что защита исторического и культурного наследия является одной из таких целей (пункты 64 и 82).

40. Суд несколько раз подчеркнул важность защиты природного наследия в делах о правах собственности, хотя использовал более общее понятие окружающей среды (см., например, о защите лесов – *Хамер против Бельгии* (*Hamer v. Belgium*) (№ 21861/03, ЕСПЧ 2007-V) и *Тургут и другие против Турции* (*Turgut and Others v. Turkey*) (№ 1411/03, пункт 90, 8 июля 2008 года) или о защите прибрежных территорий – *Депаль против Франции* [БП] (*Depalle v. France* [GC]) (№ 34044/02, пункт 81, 29 марта 2010 года)). Во всех этих делах защита окружающей среды и природного наследия была признана законной целью для вмешательства государства в право собственности. Однако Суд также может столкнуться с противодействием из-за защиты природного наследия и природных ресурсов в рамках права, которое отстаивается лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, или коренными жителями, в качестве составной части права на мирное пользование своими владениями. Например, в деле *Хингитак 53 и другие против Дании* ((реш.) (*Hingitaq 53 and Others v. Denmark* (dec.)), № 18584/04, ЕСПЧ 2006-I) заявители – члены племени инуитов в Гренландии жаловались на то, что они были лишены своей родной земли и охотничьих угодий и утратили возможность пользоваться, получать выгоду и контролировать свою территорию вследствие их принудительного перемещения в связи с созданием базы воздушного флота США. Учитывая компенсацию, назначенную судами Дании за выселение и утрату прав на ведение охоты, Суд объявил данную жалобу явно необоснованной.

VII. Право на поиск исторической правды

41. Суд установил, что одной из неотъемлемых частей свободы выражения мнения (защищенной статьей 10 Конвенции) является поиск исторической правды и что в его обязанности не входит рассмотрение положенных в основу дела исторических обстоятельств, составляющих предмет продолжающихся споров между историками, которые формируют мнение относительно имевших место событий и их интерпретации (*Шови и другие против Франции* (*Chauvy and Others v. France*), № 64915/01, пункт 69, ЕСПЧ 2004-VI). Суд также сослался на усилия, которые обязана прилагать каждая страна для обсуждения собственной истории открыто и беспристрастно (*Монна против Швейцарии* (*Monnat v. Switzerland*), № 73604/01, пункт 64, ЕСПЧ 2006-X). Суд, однако, рассматривает, относится ли вопрос к категории ранее установленных исторических фактов, таких как Холокост, отрицание или пересмотр которых исключен из-под защиты, предоставляемой статьей 10, согласно статье 17 Конвенции (запрещение злоупотреблений правами: см. *Леидо и Изорни против Франции* (*Lehideux and Isorni v. France*), 23 сентября 1998 года, пункт 51, Отчеты 1998-VII, и *Гароди против Франции* (реш.) (*Garaudy v. France* (dec.)), № 65831/01, ЕСПЧ 2003-IX). В деле *Гароди* (*Garaudy*) Суд установил следующее:

Несомненно, что отрицание действительности четко установленных исторических фактов, таких как Холокост, изложенное заявителем в своей книге,

не является историческим исследованием, подобным поиску истины. Задача и результат такого подхода совершенно иные, действительной целью является реабилитация национал-социалистического режима и, как следствие, обвинение самих жертв в фальсификации истории.

В связи с этим отрицание преступлений против человечества является одной из наиболее серьезных форм расовой диффамации в отношении евреев и способствует разжиганию ненависти к ним. Отрицание или искажение исторических фактов такого порядка подрывает ценности, на которых основана борьба против расизма и антисемитизма, и представляет серьезную опасность для общественного порядка. Подобные действия несовместимы с демократией и правами человека, так как причиняют ущерб правам других лиц. Их сторонники, безусловно, имеют намерения, попадающие в категорию целей, запрещенных статьей 17 Конвенции.

42. Суд также может принимать во внимание срок, прошедший с момента событий, при оценке того, совместимо ли вмешательство со свободой выражения мнения, например, в делах, касающихся действий высших государственных чиновников и политиков (см. дело *Монна (Monnat)*, упоминаемое выше, пункт 64: исторический доклад относительно положения Швейцарии во Второй мировой войне, представленный на национальном телевизионном канале). Срок, прошедший с момента событий, означает, что неприемлемо оценивать высказывания в настоящем с такой же степенью строгости, какая могла быть оправдана в прошлом. Применяя эти принципы, Суд недавно установил нарушения статьи 10 Конвенции в делах, касающихся обвинения издателей книги, описывающей пытки и массовые казни во время Алжирской войны (*Орбан и другие против Франции (Orban and Others v. France)*, № 20985/05, 15 января 2009 года), обвинения журналиста (впоследствии убитого) в очернении турецкого самосознания путем выражения своих взглядов на турецко-армянский конфликт и события 1915 года (*Динк против Турции (Dink v. Turkey)*, № 2668/07 и другие, 14 сентября 2010 года) и обязательства по публикации опровержения на статью в еженедельной газете, в которой заявитель критиковал третье лицо за выказывание уважения бывшему премьер-министру, который участвовал в принятии антисемитских законов (*Карсаи против Венгрии (Karsai v. Hungary)*, № 5380/07, 1 декабря 2009 года).

43. Наконец, постановление Суда по делу *Кенеди против Венгрии (Kenedi v. Hungary)* (№ 31475/05, пункт 43, 26 мая 2009 года) вводит новый аспект права на поиск исторической правды; Суд подчеркивает, что доступ к оригинальным документальным источникам для проведения законных исторических исследований является существенным элементом реализации права на свободу выражения мнения. Дело касалось отказа в предоставлении историку доступа к документам в отношении эпохи коммунизма в Венгрии (деятельности Службы государственной безопасности Венгрии).

VIII. Право на академическую свободу

44. Согласно Статье 10 Конвенции Суд подчеркнул важность академической свободы, которая «включает свободу ученых на свободное выражение своего мнения об институтах или системе, в которых они работают, и свободу на

распространение знаний и правды без ограничения» (дело *Соргуч против Турции* (*Sorguç v. Turkey*)) (№ 17089/03, пункт 35, 23 июня 2009), в котором преподавателя университета принуждали выплатить компенсацию за убытки в результате распространения в ходе научной конференции документа, критикующего процедуру приема и продвижения младших преподавателей, и где Суд установил нарушение статьи 10 Конвенции). Важность академической свободы также подчеркивалась в связи с запретом книги, в которой воспроизводилась докторская диссертация на тему «звездного» феномена (запрет был санкционирован решением суда как нарушающий права личности широко известного поп-исполнителя: см. *Сапан против Турции* (*Sapan v. Turkey*), № 44102/04, 8 июня 2010 года).

45. Дело *Кокс против Турции* (*Cox v. Turkey*) (№ 2933/03, 20 мая 2010 года) обращается к новому аспекту академической свободы выражения мнения, а именно иностранного преподавателя университета и последствиям разрешения на его въезд и пребывание на территории государства-участника. Заявителю – американской преподавательнице, которая несколько раз вела занятия в турецких университетах и выражала мнение по курдскому и армянскому вопросу, был запрещен повторный въезд в Турцию на основании того, что она могла представлять угрозу для «национальной безопасности». Суд установил нарушение статьи 10 Конвенции.

46. Свобода академического выражения мнения, защищаемая статьей 10 Конвенции, также предусматривает процессуальные гарантии для профессоров и преподавателей. В деле *Ломбарди Валлаури против Италии* (*Lombardi Vallauri v. Italy*) (№ 39128/05, 20 октября 2010 года) Совет юридического факультета миланского Католического университета *Святого Сердца* отказался рассмотреть заявление о приеме на работу лектора, который преподавал философию права в этом заведении на протяжении более 20 лет на основании ежегодно возобновляемого договора, ввиду того, что Конгрегация католического образования (орган власти Святого Престола) не предоставила своего одобрения, а вместо этого лишь отметил, что некоторые утверждения заявителя «очевидно противоречили католической доктрине». Суд отметил, что Совет факультета не уведомил заявителя и не дал оценки степени, в которой предположительно нетрадиционные высказывания, которые приписывались заявителю и в которых его обвиняли, были отражены в его преподавательской деятельности или каким образом они могли впоследствии повлиять на интересы университета в предоставлении образования, основанного на его религиозных убеждениях. Более того, административные суды при изучении законности данного спорного решения ограничились тем фактом, что Совет факультета указал на существование решения Конгрегации, и, таким образом, отказались выносить на рассмотрение вопрос о раскрытии предполагаемых нетрадиционных взглядов заявителя, а также не рассмотрели факт неосведомленности преподавателя о причинах его увольнения, тем самым пресекая какую бы то ни было возможность для состязательного процесса. Таким образом, Суд пришел к выводу, что интерес университета предоставлять образование, основанное на католической доктрине, не может достигать такой степени, чтобы вредить самой сути процессуальных гарантий, присущих статье 10 Конвенции.

ПРИЛОЖЕНИЕ: список постановлений и решений

- *Ahmet Arslan and Others v. Turkey** (Ахмет Арслан и другие против Турции), № 41135/98, 23 февраля 2010 года;
- *Akdas v. Turkey** (Акдас против Турции), № 41056/04, 16 февраля 2010 года;
- *Alinak v. Turkey* (Алинак против Турции), № 40287/98, 29 марта 2005 года;
- *Appel-Irrgang v. Germany** (dec.) (Аппель-Ирганг и другие против Германии (реш.)), № 45216/07, 6 октября 2009 года;
- *Aydin and Others v. Turkey* (Айдин и другие против Турции), № 49197/06 и другие (жалоба коммуницирована 9 марта 2010 года);
- *Baybasin v. the Netherlands* (dec.) (Байбасин против Голландии (реш.)), № 13600/02, 6 октября 2005 года;
- *Baylac-Ferrer and Suarez v. France** (dec.) (Байла-Ферре и Суарез против Франции (реш.)), № 27977/04, 25 сентября 2008 года;
- *Beyeler v. Italy* [GC] (Бейелер против Италии [БП]), № 33202/96, ЕСПЧ 2000-I;
- *Birk-Levy v. France** (dec.) (Берк-Леви против Франции (реш.)), № 39426/06, 21 сентября 2010 года;
- *Boulois v. Luxembourg** (Булуа против Люксембурга), № 37575/04, пункт 64, 14 декабря 2010 года (дело передано в Большую Палату);
- *Bulgakov v. Ukraine* (Булгаков против Украины), № 59894/00, пункты 43, 44, 11 сентября 2007 года;
- *Campbell and Cosans v. the United Kingdom* (Кемпбелл и Косанс против Соединенного Королевства), 25 февраля 1982 года, пункт 33, Серия А № 48;
- *Case relating to certain aspects of the laws on the use of languages in education in Belgium* (merits) (дело о некоторых аспектах законов об использовании языков в рамках образовательного процесса в Бельгии (по существу)), 23 июля 1968 года, Серия А № 6;
- *Catan and Others v. Moldova and Russia* (Катан и другие против Молдовы и России), № 43770/04 и другие, 15 июня 2010 года, слушание состоялось 9 июня 2009 года;
- *Cha'are Shalom Ve Tsedek v. France* [GC] (Ча'ар Шалом Ве Цедек против Франции [БП]), № 27417/95, ЕСПЧ 2000-VII;
- *Chapman v. the United Kingdom* [GC] (Чепмен против Соединенного Королевства [БП]), № 27238/95, ЕСПЧ 2001-I;
- *Chauvy and Others v. France* (Шови и другие против Франции), № 64915/01, пункт 69, ЕСПЧ 2004-VI;
- *Ciubotaru v. Moldova* (Чиуботару против Молдовы), № 27138/04, 27 апреля 2010 года;

* Текст доступен только на французском языке.

Культурные права в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека

- *Cox v. Turkey* (Кокс против Турции), № 2933/03, 20 мая 2010 года;
- *Cyprus v. Turkey* [GC] (Кипр против Турции [БП]), № 25781/94, пункты 241–247, ЕСПЧ 2001-IV;
- *Debelianovi v. Bulgaria** (Дебелянови против Болгарии), № 61951/00, 29 марта 2007 года;
- *Demirbas and Others v. Turkey** (dec.) (Демибрас и другие против Турции (реш.)), № 1093/08 и другие, 9 ноября 2010 года;
- *Depalle v. France* [GC] (Депаль против Франции [БП]), № 34044/02, пункт 81, 29 марта 2010 года;
- *Dink v. Turkey* (Динк против Турции), № 2668/07, 6102/08, 30079/08, 7072/09 и 7124/09, 14 сентября 2010 года;
- *Dogru v. France* (Догру против Франции), № 27058/05, пункт 72, 4 декабря 2008 года;
- Enea v. Italy* [GC] (Энеа против Италии [БП]), № 74912/01, пункт 106, 17 сентября 2009 года;
- *Folgerø and Others v. Norway* [GC] (Фольгеро и другие против Норвегии [БП]), № 15472/02, ЕСПЧ 2007-III;
- *Garaudy v. France* (dec.) (Гароди против Франции (реш.)), № 65831/01, ЕСПЧ 2003-IX;
- *Gorzelik and Others v. Poland* [GC] (Гожелик и другие против Польши [БП]), № 44158/98, пункт 92, 17 февраля 2004 года;
- *Grzelak v. Poland* (Гжелак против Польши), № 7710/02, пункт 105, 15 июня 2010;
- *Güzel Erdagöz v. Turkey** (Гюзель Эрдагёз против Турции), № 37483/02, 21 октября 2008 года;
- *Hamer v. Belgium** (Хамер против Бельгии), № 21861/03, ЕСПЧ 2007-V;
- *Hasan and Eylem Zengin v. Turkey* (Хасан и Эйлем Зенгин против Турции), № 1448/04, 9 октября 2007 года;
- *Hingitaq 53 and Others v. Denmark* (dec.) (Хингитак 53 и другие против Дании (реш.)), № 18584/04, ЕСПЧ 2006-I;
- *Irfan Temel and Others v. Turkey* (Ирфан Темел и другие против Турции), № 36458/02, 3 марта 2009 года;
- *Jankovskis v. Lithuania* (Янковскис против Литвы), № 21575/08 (жалоба коммуницирована 21 сентября 2010 года);
- *Karatas v. Turkey* [GC] (Каратас против Турции [БП]), № 23168/94, ЕСПЧ 1999-IV, 8 июля 1999 года;
- *Karsai v. Hungary* (Карсай против Венгрии), № 5380/07, 1 декабря 2009 года;
- *Kenedi v. Hungary* (Кенеди против Венгрии), № 31475/05, пункт 43, 26 мая 2009 года;
- *Kemal Taskin and Others v. Turkey** (Кемал Таскин и другие против Турции), № 30206/04, 37038/04, 43681/04, 45376/0412881/05, 28697/05, 32797/05 и 45609/05, 2

февраля 2010 года;

– *Khurshid Mustafa and Tarzibachi v. Sweden* (Куршид Мустафа и Тарзибаши против Швеции), № 23883/06, 16 декабря 2008 года;

– *Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Denmark* (Кьелдсен, Буск, Мадсен и Педерсен против Дании), Серия А № 23, 7 декабря 1976 года;

– *Konrad and Others v. Germany* (dec.) (Конрад и другие против Германии (реш.)), № 35504/03, 11 сентября 2006 года;

– *Kozacioglu v. Turkey* [GC] (Козачоглу против Турции [БП]), № 2334/03, 19 февраля 2009 года;

– *Lehideux and Isorni v. France* (Леидо и Изорни против Франции), пункт 51, Отчеты 1998-VII, 23 сентября 1998 года;

– *Leyla Sahin v. Turkey* [GC] (Лейла Сахин против Турции [БП]), № 44774/98, пункт 116, ЕСПЧ 2005-XI;

– *Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France* [GC] (Линдон, Очаковский-Лоуренс и Жули против Франции [БП]), № 21279/02 и 36448/02, ЕСПЧ 2007;

– *Lombardi Vallauri v. Italy** (Ломбарди Валлаури против Италии), № 39128/05, 20 октября 2010 года;

– *Mehmet Nuri Özen and Others v. Turkey** (Мехмет Нури Озен и другие против Турции), № 15672/08, 24462/08, 27559/08, 28302/08, 28312/08, 34823/08, 40738/08, 41124/08, 43197/08, 51938/08 и 58170/08, 11 января 2011 года (не завершено);

– *Mentzen v. Latvia* (dec.) (Ментцен против Латвии (реш.)), № 71074/01, ЕСПЧ 2004-XII;

– *Monnat v. Switzerland* (Монна против Швейцарии), № 73604/01, пункт 64, ЕСПЧ 2006-X;

– *Müller and Others v. Switzerland* (Мюллер и другие против Швейцарии), Серия А № 133, 24 мая 1988 года;

– *Muñoz Díaz v. Spain* (Муньос Диас против Испании), № 49151/07, 8 декабря 2009 года;

– *Orban and Others v. France** (Орбан и другие против Франции), № 20985/05, 15 января 2009 года;

– *Otto-Preminger-Institut v. Austria* (Институт Отто Премингера против Австрии), Серия А № 295-А, 20 сентября 1994 года;

– *Podkolzina v. Latvia* (Подколзина против Латвии), № 46726/99, ЕСПЧ 2002-II;

– *Sapan v. Turkey** (Сапан против Турции), № 44102/04, 8 июня 2010 года;

– *Sejdic and Finci v. Bosnia and Herzegovina* [GC] (Сейдич и Финчи против Боснии и Герцеговины [БП]), № 27996/06 и 34836/06, пункт 43, 22 декабря 2009 года;

– *Senger v. Germany* (dec.) (Зенгер против Германии (реш.)), № 32524/05, 3 февраля 2009 года;

– *Sidiropoulos and Others v. Greece* (Сидиропоулос и другие против Греции), Отчеты о постановлениях и решениях 1998-IV, 10 июля 1998 года;

Культурные права в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека

- *Sinan Isik v. Turkey** (Синан Исик против Турции), № 21924/05, 2 февраля 2010 года;
- *Sorguç v. Turkey* (Соргуч против Турции), № 17089/03, пункт 35, 23 июня 2009 года;
- *Stankov and the United Macedonian Organisation Ilinden v. Bulgaria* (Станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии), № 29221/95 и 29225/95, ЕСПЧ 2001-IX;
- *Tourkiki Enosi Xanthis and Others v. Greece** (Туркики Энози Ксантис и другие против Греции), № 26698/05, пункт 56, 27 марта 2008 года;
- *Turgut and Others v. Turkey** (Тургут и другие против Турции), № 1411/03, пункт 90, 8 июля 2008;
- *Ulusoy and Others v. Turkey** (Улусой и другие против Турции), № 34797/03, 3 мая 2007 года;
- *Vereinigung Bildender Künstler v. Austria* (Ассоциация художников против Австрии), № 68354/01, 25 января 2007 года.